

Евстифеев Р.В.

Мировые войны, революции и кризисы в человеческом измерении: тенденции развития краеведения в современной России и во Владимирском крае

Как известно, отцом истории принято называть Геродота, писателя, жившего в Древней Греции. Свой единственный труд, дошедший до нас, он назвал «Истории», - именно так, во множественном числе, то есть свод знаний о событиях прошлого. Книга начинается так: «Геродот из Галикарнаса собрал и записал эти сведения, чтобы прошедшие события с течением времени не пришли в забвение и великие и удивления достойные деяния как эллинов, так и варваров не остались в неизвестности, в особенности же то, почему они вели войны друг с другом».

Наука история начиналась как искусство собирания и рассказывания историй. Однако, почти сразу на это обратило внимание государство и люди, обладающие властью, которые стали предпринимать усилия по монополизации истории.

В процессе развития общества появляется государство, которое монополизирует историю, превращает ее в историю государства и государей. В таком виде история существовала веками. В первой половине XIX века немецкий философ Георг Гегель напрямую связал историю и государства, написав, что история человечества начинается только с возникновением государства. То есть, по мнению Гегеля, народы, не знавшие государства, не имеют и истории.

Больших возражений со стороны тогдашнего государства эта идея Гегеля, конечно, не вызвала. Однако, за последние 50 лет в исторической науке произошли значительные изменения, связанные как раз с тем, что привычная государствоцентричность истории начинает терять свое доминирующее положение.

«Новая историческая наука», растущая из французской школы медиэвистики, из так называемой школы «Анналов», в середине прошлого века впервые предложила новый подход к рассмотрению исторических событий. Российский историк Арон Гуревич писал об историческом методе школы «Анналов» так:

«Современность не должна подмять под себя историю; вопрошающий людей прошлого историк ни в коем случае не навязывает им ответов - он внимательно прислушивается к их голосу и пытается реконструировать их социальный и духовный мир. Изучение истории есть не что иное, как диалог современности с прошлым...

... Нужно исходить не из идеи, будто люди всегда, на всем протяжении истории, мыслили и чувствовали одинаково, так же как чувствуем и мыслим мы сами, - наоборот, несравненно более продуктивной является гипотеза о том, что в историческом источнике запечатлено иное сознание, что перед нами – «Другой» .

Таким образом, фундаментальным открытием можно считать диалогичность процесса познания прошлого. Причем этот диалог исследователя и прошлого, исследователя и людей, живших в прошлом, носит постоянный и непрерывный характер.

Примерно в тот же период, когда развивался новый исторический метод школы «Анналов», историк и культуролог Йохан Хейзинга, в своих размышлениях об истории отмечал: «Мы можем взглянуть на этот беснующийся мир с некоего немислимого расстояния и сказать, что трех тысяч лет нам не понадобится, чтобы все безумие нынешней бойни, ее глупость и ужасы, судьбы стран и народов, наконец, сами интересы культуры, возносимые ныне на такие высоты, сделались столь же малозначимыми для человечества, как в наше время войны, которые вела Ассирия. Это вовсе не утешение, это всего лишь забывчивость.

Но такого спокойствия можно достичь и с более короткой дистанции: мы можем

взглянуть на все это глазами павших. Это все еще кратчайший путь к освобождению» .

Таким образом, Хейзинга предлагает подход к истории, который основан не на приоритете целей государства, а на приоритете личности, причем личности – обычной, не «великой», не «масштабной», а именно той личности, которая и является «расходным» материалов для больших государственных дел.

Взгляд на истории «глазами павших», то есть с человеческой точки зрения, - это и есть современный вызов истории, одновременно, это и есть основа краеведения, которое из «маленькой» истории, «младшего родственника» истории государства превращается в полноценную историю, становится настоящей историей.

Конечно, история государства, «большая история» довлеет над «человеческой историей», иногда даже подавляет ее, предлагая свою интерпретацию событий, свою иерархию событий и исторических фигур. К сожалению, очень часто это приводит лишь к архаизация исторического сознания, когда «большая история» в достижении своих прагматических целей опирается не столько на науку и не на думающих граждан, сколько на характеристики массового сознания и на те формы сознания, которые можно назвать мифологическими.

Столкновение «большой истории» и истории местной, личной, то есть краеведения, - было хорошо заметно в советскую эпоху, когда местные истории были строго подчинены истории советского государства и коммунистической партии. Автор этих строк на всю жизнь запомнил, как один из партийных деятелей активно предлагал владимирскому краеведению актуальную, как казалось функционеру, тему: «Маркс, Энгельс и Владимирский край».

Иными словами, местная тематика была полностью подчинена довлеющей идеологии, и смотреть на местные истории можно было только глазами, преданными делу правящей партии, а не «глазами павших».

Тем не менее, когда «большая история» идеологизируется и отрывается от реальности, «маленькая история» для «маленьких» людей» может становиться важнейшей частью самосознания и обретения себя. С политической точки зрения – это довольно опасный и

революционный процесс, включающий в себя самосознание, обретение себя, то есть процесс самоидентификации, обретение идентичности, ценностей, осознание гражданами своей общности, принадлежности к местным, локальным сообществам.

В первые годы советской власти в одной из газет Советской России был опубликован материал о философе Сергее Булгакове. В первых строчках статьи автор пенял мыслителю: «После революции Сергей Булгаков встал на опасный путь осознания происходящего». Опасность такого пути трудно переоценить, особенно в эпохи господства одной идеологии. Но ключевым понятием тут является не идеология, а господство, которое может выражаться в разных формах, не только идеологических, но и культурных, социальных, экономических и т.д.

Господство одной социальной группы над другими неминуемо приводит к господству в историческом пространстве, к ограничению личных и местных историй, которые не вписываются в диктуемый властный дискурс. С этой точки зрения краеведение – опасное занятие.

Переосмысление и реструктурирование прошлого и настоящего, создание насыщенных смыслом и понятных для местного сообщества символов и образа прошлого, настоящего и будущего – это прямой вызов существующей политической машине и навязываемых ей представлений.

Как ученый-исследователь в последние годы я участвовал в нескольких проектах по изучению состояния общественного сознания в различных городах и регионах России. Одно из таких исследований было посвящено изучению локальных идентичностей в трех российских городах (Смоленск, Владимир, Ярославль) .

Идентичность в общем смысле - это самоотнесение человека к какой-либо группе / общности, идентичность определяет правила поведения людей в этой группе, правила приема людей в группу и исключения их из неё, критерии различения «свой / чужой» для данной группы. У нас у всех есть набор социальных идентичностей, «завязанных» на разные сообщества, такие как семья, родственники, друзья, коллеги по работе, профессиональные ассоциации, соседская община и т.д. Именно в рамках развития идентичности формируется доверие внутри таких сообществ.

Исследования показывают, что российское общество отличается от многих других стран существенным дефицитом «открытости в доверии», что тормозит, в том числе, развитие социальной активности и становление гражданского общества.

Результаты наших исследований подтвердили существование городских локальных идентичностей, зафиксированных в виде основных ценностей. Однако, это касается в основном городских поселений, на уровне сельских населенных пунктов эта идентичность выражена гораздо слабее, равно как и идентичность жителей региона в целом. Иными словами, горожане ощущают свою общность с жителями города гораздо сильнее, чем жители сельских поселений. Общность внутри региона ощущается только благодаря проживанию на этой территории, культурно-исторические связи почти не заметны.

Для цели нашей статьи важно отметить выделенный во время исследования набор элементов городской локальной идентичности:

- Значимые места (включая символический центр)
- Представления о географии (локальной, средне- и крупномасштабной)
- Пантеон героев – реальных и мифических
- Представления горожан о городе
- Представления горожан о себе
- Представления о структуре сообщества: ядро ("элита"), границы, составляющие (страты, сегменты)

- Ритуалы воспроизводства идентичности

- Этнографические особенности жителей города.

Выделенные элементы можно перегруппировать по трем кластерам. Самым нагруженным окажется кластер «исторических достижений», связанный с богатой историей городов и с попытками использования этих достижений в настоящем. Второй кластер – символы и достижения эпохи модерна, связанные, прежде всего, с советской эпохой, - выражен гораздо слабее. Третий кластер, современные символы и мифы, остается практически незаполненным.

Исследования показали, что в трех изученных городах, во Владимире, Смоленске и Ярославле, жители выделяют как сам центр города, так и важные локальные «точки», неотделимые от Центра, но имеющие определенную самостоятельную ценность. В случае Владимира, в топ самых значимых мест входят Золотые Ворота (87% опрошенных), Успенский собор (59%), Дмитриевский собор (29%), Соборная площадь (25%). В Смоленске - Крепостная стена (84,3% респондентов), Успенский собор (74,7%), в Ярославле - так называемая Стрелка, то есть мыс при впадении реки Которосль в Волгу (почти 50% опрошенных), Волжская набережная (47%) и театра имени Фёдора Волкова (33%).

Город Владимир видится горожанами, прежде всего, городом, находящимся между лесной зоной и зоной полей. На втором уровне значимости находится река Клязьма. Из соседних городов в зону значимой локальной географии Владимира попадают только Суздаль, Боголюбово (с церковью Покрова на Нерли) и Муром. Отметим также и значимое присутствие в списке ответов такого трогательного класса объектов как «деревеньки», символизирующие глубинные сельские корни большинства жителей города, который стал индустриальным центром только в середине прошлого века.

Город Смоленск видится горожанам как город на верхнем Днепре – среди лесов, озер и болот. Ярославль – как город на верхней Волге, среди лесов и озер, с Толгским монастырем неподалеку, а также Рыбинским водохранилищем как пригородной зоной отдыха.

С точки зрения макро-география горожане видят Владимир как город на Золотом кольце, на реке Клязьма, между Москвой и Нижним Новгородом, чуть в стороне, но рядом с Владимиром, находится Суздаль. В целом, город Владимир - это дальнейшее Подмосковье.

Что касается Смоленска, то его место на воображаемой карте описывается жителями как город на западной границе России, город-дверь, город-ключ. Он расположен в верховьях Днепра, на пути из Москвы в Европу. Это международный перекресток рядом с Белоруссией, здесь бьется сердце России.

Ярославль – это город на Волге, город-Центр русских земель. Он расположен в «Золотом Кольце» древних русских городов, недалеко от Москвы. Последнее может быть понято и таким образом, что где-то недалеко, рядом с Ярославлем находится Москва, с которой ярославцы чувствуют себя «на короткой ноге», на равных.

В «пантеоне героев» жителей города Владимира наблюдается несомненное лидерство исторических персонажей времен Средневековой Руси, прежде всего, князей Андрея Боголюбского (50% ответивших), Владимира Красно Солнышко (44%), Владимира Мономаха (41%) и Александра Невского (35%). «Сборная древнерусских князей» одерживает победу за явным преимуществом над всеми другими представителями владимирского пантеона героев. Герои советского времени, деятели культуры и искусства, спортсмены и наши современники существенно уступают князьям.

«Пантеон героев» Смоленска по результатам массового опроса возглавляют космонавт Юрий Гагарин (47,2% ответивших), зодчий Федор Конь (44,2%) и композитор Михаил Глинка (43,2%).

В Ярославском «пантеоне героев» лидируют князь Ярослав Мудрый (77,2%), основатель ярославского театра Ф.Г. Волков (44,2%), космонавт В.В. Терешкова (44,2%); поэт Н.А. Некрасов (36,2%)

В представлениях горожан о том, чем знаменит город Владимира, на лидирующие позиции вышли следующие позиции: «Входит в «Золотое Кольцо» (57% ответивших), «Золотыми Воротами» (49%) и «Один из древнейших городов России» (46%). В число

значимых позиций (более 10%), кроме древнерусских достопримечательностей, попал только Владимирский Централ (16%). Оставшиеся позиции, хотя и интересны сами по себе («Владимирская вишня», «Владимирский тяжеловоз», промышленность), однако полученные ими значения не дают возможности считать их значимыми для большинства жителей города.

Доминирование истории и прошлого в мифосистеме горожан показывает и выбор ими основных событий в истории города. На первых местах с большим отрывом расположились: «Оборона Владимира от монголо-татар в 1238 г.» (62% ответивших), «Роспись Успенского собора Владимира Андреем Рублевым в 1408 г.» (47%), «Превращение Владимира в столицу Северо-Восточной Руси в 1157 г.» (39%).

Ощущение древности своего города характерно и для жителей Смоленска и Ярославля. Однако, в отличие от Владимира, жители указанных городов находят, чем гордятся и в недавнем прошлом и в настоящем. Для смолян важной составляющей является память о Великой Отечественной войне, в Ярославле жители гордятся открытием первого в России театра в 1750 году и тем, что в их городе родилась первая женщина-космонавт В.Терешкова.

Важной частью самоопределения владимирцев можно признать их ощущение города, как тихого, спокойного места, уютного чистого города с большим количеством зеленых насаждений. По результатам массового опроса убедительно лидируют два позитивных самоопределения горожан, дающие в сумме более 70% - «Владимирцы – люди со спокойным характером», «Владимирцы – гостеприимные люди». На третьем месте подтвержденное фокус-группами мнение о том, что «Владимирцы – «мещане». Ниже 20% расположились негативные позиции - «Владимирцы – люди прижимистые, ищут, «что подешевле где купить», «Владимирцы – жесткие, недоброжелательные люди», «Владимирцы – ленивые люди» и довольно экзотичное «Владимирцы – люди с характером «гуляй, рванина!».

Жители Смоленска считают себя добрыми, немеркантильными (39,2% ответивших), терпеливыми и стойко переносящими все трудности (35,1%), готовыми к агрессии, но отходчивыми (30%).

В Ярославле на первое место по результатам анкетирования вышла отзывчивость, доброта и доброжелательность ярославцев (35,7%); на второе с 24% – их внешняя

красота («ярославцы - все красавцы»); на третье – любовь к посещению культурных мероприятий (19,7%).

Исследование ритуалов, объединяющих жителей города, показало, что основной ресурс воспроизводства локальной идентичности в городе Владимире – это общенациональные и общегородские праздники. По результатам опроса на первое место с результатом 62% поддержки вышел День города; на второе – главный национальный праздник День Победы (46%); третье место занял Новый Год (35%). Далее с большим отрывом идут выходы в театры, парки, рестораны; Праздник огурца в Суздале, дни двора и улиц. Менее 10% набирают Крестные ходы (8%) и выборы местной власти (6%). Интересно отметить, что пока не заняли своего места в структуре городской идентичности события, которые по определению являются формирующими город и горожан – выборы и различные виды гражданской активности.

В Смоленске исследования выявили доминирование в качестве укрепляющих единение горожан двух праздников: Дня Победы (80%) и Дня города (65%). Для жителей Ярославля на первом месте по значимости стоит День города (55,3% ответивших), на втором – празднование Дня Победы (38,4%), и на третьем - Празднование Масленицы - главной масленицы страны (21,9%).

Таким образом, во всех изученных городах местная история, местные достопримечательности и местные «герои» ярко и значимо представлены в сознании горожан. Значимыми событиями во всех трех городах являются события далекого прошлого, исторические фигуры занимают лидирующие позиции в списках самых значимых для города персонажей.

Такие глубокие исторические переживания горожан, конечно, не случайны. Они являются ответом, на недостаток «живой» человеческой истории вокруг нас. Однако, при таком интересе к местной истории и к историческим событиям местного масштаба, исследование зафиксировало не слишком большую поддержку горожанами ценностей совместных действий, общественных движений, обсуждений и т.д.

Характерным представляются результаты изучения уровня солидаризации населения городов Владимира, Смоленска и Ярославля. Почти половина жителей исследованных городов выразили уверенность, что в нашей стране среди людей больше разобщённости и несогласия. Доля жителей, считающих, что в отношениях с людьми следует быть

осторожными, вдвое выше доли тех, кто уверен, что большинству людей можно доверять.

В то же время, стоит отметить, что в отношении ближнего окружения оценки респондентов о сплочённости или разобщённости существенным образом отличаются от их оценок состояния российского общества. Значимое большинство жителей каждого из трёх городов (от 69% в Смоленске до 74% во Владимире и Ярославле) выразили мнение, что среди их близкого окружения преобладают согласие и сплочённость. В анкете не уточнялось, кто подразумевается под «людьми, окружающими лично вас», но очевидно, что респонденты в первую очередь имели в виду членов семьи, друзей и коллег, что делает полученные результаты вполне понятными.

Весьма показательным представляется распределение ответов на вопрос о готовности респондентов к объединению с другими людьми для каких-либо совместных действий. Несмотря на общую негативную оценку уровня доверия в обществе, во всех трех городах большинство жителей отнесли себя к группе людей, готовых объединяться с другими для совместных действий. Правда, это «большинство» не одинаково: о своей готовности к объединению заявили три четверти участников опросов во Владимире и Ярославле. Жители Смоленска оказались склонны к консолидации в гораздо меньшей степени: такую готовность выразили немногим более половины респондентов (57%), в то время как 28% жителей сообщили о неготовности к объединению с другими для совместных действий.

Позволим себе в заключительной части статьи привести пример довольно удачного совмещения ценностей «местной» истории, истории «большой» и интересов местного сообщества. Речь идет о ситуации в городе Владимире вокруг так называемого Спасского Холма. В ходе развития местного сообщества, куда входили краеведы, историки, журналисты и др., члены сообщества столкнулись с проблемой экономической активности местных бизнесменов, аффилированных с местной властью, в исторической части города и с незаконными операциями с земельными участками. Публичные экскурсии по центру города позволили сделать достоянием общественности многие такие проблемные точки, одной из которых стало место недалеко от знаменитых Золотых Ворот, у Спасской церкви, заложенной еще князем Андреем Боголюбским в середине XII века. По некоторым версиям это была дворовая церковь князя, около которой мог находиться двор Андрея Боголюбского.

Оказавшийся в 90-е годы в частной собственности участок стал ареной серьезной борьбы горожан за свой город и свою историю. И центром этой борьбы за город стало

небольшое сообщество горожан, которое, основываясь на базовых ценностях городской идентичности, провело большую работу по обоснованию важности данного места для города, включающую в себя исторические изыскания и переинтерпретацию роли Андрея Боголюбского в истории Руси, что вылилось в серию статей, публичных лекций и привело, в итоге, к подготовке и изданию книги о князе . Была проведена работа по популяризации личности Андрея Боголюбского, в результате чего удалось убедить областную администрацию отметить в 2011 году 900-летний юбилей А.Боголюбского. В ходе работы родился и новый топоним – Спасский Холм, который очень удачно стал маркировать данный земельный участок. Кроме того, были подготовлены все необходимые юридические документы для оспаривания права частного владения.

В результате Спасский Холм стал значимым элементом локальной идентичности, причем активная работа членов сообщества позволила сформировать идею о том, что Спасский Холм – это место зарождения российской государственности, то есть новой, отличной от Киевской Руси системы государственной власти.

Кроме того, удалось доказать и показать, что Спасский холм имеет и весьма серьезный туристический и рекреационный потенциал. С холма открывается удивительно красивый и захватывающий вид на древние Успенский и Дмитриевский соборы и на залязьминские дали, что делает его интересным и привлекательным не только как историческое место, но и как публичное пространство, любимое и посещаемое горожанами и гостями города Владимира.

Еще одним ноу-хау стало учреждение в 2012 году международного дискуссионного клуба «Спасский холм» , который ставит своей задачей обсуждение различных аспектов истории, настоящего и будущего российской государственности. Заседания Клуба проводятся один раз в квартал в одном из древнейших центров зарождения российской государственности - в г.Владимире. В заседаниях Клуба принимают участие ведущие ученые из российских и мировых центров, известные политические, государственные и общественные деятели.

Это позволило привлечь к проблеме Спасского холма внимание экспертов и специалистов из других регионов, сделать ее значимой на общероссийском уровне. Вся эта работа продолжалась почти 5 лет и в 2014 году, после нескольких судебных заседаний участок перешел в муниципальную собственность , и городской администрации ничего не оставалось как разбить на этом месте сквер, завершив тем самым этот этап гражданской самоорганизации населения.

Но есть и иные примеры использования исторической памяти. Так, в этом году депутаты Владимирского регионального парламента озаботились тем, что у нас нет региональных праздников. Это вполне здравая мысль, что жители области должны быть чем-то объединены, кроме территории и областного начальства. Таким образом, родился законопроект, который обсуждался с близкой и лояльной к нашим законодателям общественностью. Но даже и эта общественность, в том числе в лице региональной Общественной палаты, рекомендовала законодателям не спешить с этой инициативой, понимая, что с региональной идентичностью шулки плохи, что местную историю лучше не трогать. А депутаты как раз предлагали трогать, причем вполне в своих интересах, так, в приоритете оказались памятные даты, связанные с «большой» историей и с «большими» людьми: день образования Владимирской губернии, день образования Владимирской области, день гибели Андрея Боголюбского, день гибели Александра Невского и т.д.

День гибели одного человека – пусть даже и большого начальника – это день гибели одного человека, равного перед природой и Богом со всеми другими людьми. Равного и в своем рождении, и в своей смерти. Да, по своему врожденному статусу он был поставлен над всеми остальными, и ему удалось сделать, благодаря этому немало и помнить Андрея Боголюбского – необходимо. Но память без понимания – ничтожна и бессмысленна.

А ведь депутаты не вспомнили, например, о массовой гибели владимирцев в феврале 1238 года, когда в один день погибло почти все население. Кто зажжёт свечу по ним, юным, молодым, зрелым, защищавшим свой город до последней секунды, и оставшихся в нем навсегда?

Или вот, еще один великий сюжет из истории города Владимира, вся вина которого только в том, что величие этого сюжета связано с тем, что горожане не пожелали мириться с незаконной, по их мнению, властью, и, вполне мирно, конечно, но по-средневековому жестоко устроили своеобразный импичмент городскому начальству.

В конце марта 1612 года жители города Владимира, недовольные тем, что городской воевода, Михаил Вельяминов, принял присягу Лжедмитрию, собрались у воеводских палат (на том месте позже был построен дом губернатора, который ныне занимает телекомпания ВГТРК «Владимир»), и стали требовать от воеводы опровержения или подтверждения его присяги Лжедмитрию. Воевода врать не стал, признался, что присягнул. Владимирцы тоже раздумывать не стали, схватили воеводу, отвели в Успенский собор, на исповедь, и после исповеди тут же и убили. И организованно пошли

на городские стены защищать город от польских банд гетмана Лисовского. Великий пример самоорганизации горожан, один из первых в истории России вообще!

Почитайте, что пишет об этом событии во Владимире русский историк С.М. Соловьев:

«В известии об этом событии нас останавливает торжественность, какую оно сопровождалось: здесь мы не видим буйного восстания черни, которого следствием обыкновенно бывают немедленные насилия, убийства; народ, который удержал свой порыв, который дал обвиненному время христиански приготовиться к смерти, этот народ действовал в полном сознании, умерщвлял не человека ему ненавистного; нет, он оказал уважение к этому человеку, а казнил воеводу - изменника государству» .

И вот такие примеры и исторические события остаются совершенно не заметны на властном уровне, не используются, не привлекаются для объединения граждан и их воспитания.

Академик Д.С. Лихачев в своей известной статье «Краеведение как наука и как деятельность», написанной в начале 90-х годов прошлого века, отмечал, что краеведения кроме познавательной сущности, играет огромную воспитывающую роль, занимаясь облагораживанием, окультуриванием граждан, в целом создавая тот фундамент личности и общества, который и называется духовностью .

Таким образом, представляется, что ценности изучения местной истории и краеведения намного шире, чем просто познание места, в котором ты живешь. И это – общая тенденция в развитии краеведения и «местной» истории. Краеведение – это поиски идентичности наших граждан, идентичности в своем поселении, городе, регионе, стране. Краеведение призвано заживить трагический разрыв между человеком и официальной историей, между местными событиями и событиями большого масштаба. Но для того, чтобы этот разрыв был преодолен, для того, чтобы возможности локальных идентичностей и краеведения работали на всех нас, на общество и страну в целом, необходима серьезная совместная работа сообществ и органов власти.

Ценность и, одновременно, опасность местной истории и краеведения в том, что они актуализируют в сознании людей ряд серьезнейших вопросов, на которые многие

предпочли бы не отвечать. Кто мы? Существует ли Владимирская область? Что значит быть жителем владимирской области? Из чего состоит наша любовь к родному краю? Кому принадлежит память о прошлом? Кто ей распоряжается от нашего имени и почему? Куда мы идем? Ответы на эти вопросы неоднозначны, но они необходимы всем нам.

В связи с этим хотелось бы завершить статью несколькими предложениями, реализация которых, на мой взгляд, будет способствовать развитию сплоченности и единства наших граждан, гордости за свой родной край и за людей, которые тут живут.

Первое. Местная история нуждается в организации современного информационного обмена, в современных информационных ресурсах. Центром этой работы должны стать сами краеведы, библиотеки и организации культуры. У граждан есть интерес к событиям и персонажам местной истории, однако получить эту информацию не так просто, а та информация, которая выливается на людей из СМИ и, особенно, телевидения, совершенно не способствует развитию людей. Нам совершенно необходим общий проект развития регионального краеведения, поддержанный органами власти.

Второе. В регионе создалась странная и довольно стыдная ситуация, когда уже десяток лет не издаются книги и учебники по истории Владимирского края. И это происходит в то время, когда в других регионах ведется масштабная работа по этой проблематике, в школах вводят специальные курсы по местно региональной истории, издаются учебники и монографии. Полагаю, нам необходимо, пока на общественных началах, создать рабочую группу по подготовке новой истории Владимирского края на основе современных научных представлений. Нет истории Владимирской области – нет и самой Владимирской области!

Третье. Все вышесказанное осуществимо только тогда, когда люди, призванные управлять и стоять во главе всех процессов на государственном и муниципальном уровнях, будут знать и любить свой родной край. Мы привыкли предъявлять требования к выпускникам школ, к учителям, преподавателям, врачам – давайте предъявим требования и к чиновникам. Давайте разработаем и предложим нашим чиновникам пройти экзамены по краеведению и знанию региональной и муниципальной истории. Пусть пока это будет добровольное начинание, на общественных началах, давайте посмотрим, как отреагируют наши чиновники, но разрабатывать такой экзамен необходимо, например, в виде простых тестов, что-то вроде ЕГЭ для чиновников. И опять-таки, я не вижу больше никого, кто бы этим занялся, как только люди, увлеченные историей своего родного края.

О краеведении замолвили слово

Автор: Роман Евстифеев
13.12.2017 11:53 -

Очень надеюсь, что названные предложения вызовут некоторую дискуссию, возможно – видоизменяться и хотя бы частично воплотятся в нашу жизнь.

Надо что-то делать, надо продвигаться вперед, чтобы не остаться просто содержимым географического пространства, а развиваться как граждане, хозяева и патриоты своего региона и страны.

Опубликовано в сборнике: Материалы XXII Межрегиональной краеведческой конференции (21 апреля 2017 г.) / Департамент культуры администрации Владим. обл. ; отв. за вып. И. В. Мишина. - Владимир, 2017. - С. 3-19.